

как на праздник, ибо человек действительно был сотворцом мира.

Современному же человеку оттого так тяжело живётся, так полна хаоса его жизнь, что нет осознания красоты, нет простора искусству, потому нет и творчества. Осознание красоты должно стать камертоном, который настроил бы основной тон души на более светлый и возвышенный лад, ибо цель культуры - гармония и красота. Красота есть стремление каждого существа становиться всё прекраснее. (3) "Цивилизация ждёт великого завершения, выражения своей души в красоте." (Р. Тагор).

Прекрасными примерами, как на практике восстановить связь времён через осознание красоты лучших достижений прошлого, явились празднование 850 - летия г. Москвы и последний концерт И.Кобзона, которые стали не только фестивалями культуры, но и школой патриотизма, гражданственности. Следствия не замедлили: сменили министра культуры, а в школах увеличили количество часов по гуманитарным предметам. Предстоящие в 1999 г. Дельфийские игры, в которых будут участвовать Россия и Украина должны стать следующим этапом объединения народов, ибо только понимание единства культуры приведет к соборности, то есть духовному объединению человечества по законам Красоты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузмичев И.К. Лада или повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть // Эстетика Киевской Руси. - М., 1990.
2. Иванченко А. Гороскоп Святослава Хоробре //Славяне. - Рига, 1990. - N 1.
3. Рудзитис Р. Сознание красоты спасет. - Таллин, 1990.

БИБЛИЯ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Работкина С.В.

Огромное место в духовной жизни средневековых русичей занимала Библия, хотя долгое время Киевская Русь не знала ее в полном объеме. Полный текст Священного Писания появляется на церковнославянском языке не ранее 1499г.

Но, несмотря на то, что практически до XVI в. Библия не входила в отечественную культуру как целостность, в произведениях древнерусской литературы было множество вставок из Нового и Ветхого Заветов (наиболее часто цитировались Псалтырь, Притчи Соломона, Четвероевангелие), библейские изречения встречались в различных "Житиях", "Поучениях", "Словах", в агиографической литературе, сборниках афоризмов, а также являлись неотъемлемой частью литургического богослужения.

Одной из наиболее любимых библейских книг была Псалтырь. Владимир Мономах в своем "Поучении" вспоминает, что в трудный период раздумий о судьбе государства он обратился к тексту псалмов и нашел в них слова, дающие утешение душе и твердость духу. "Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповаи на Бога..." (Пс 42) - эти строки он поставил в начале небольшого собрания библейских изречений в "Поучении", многие из которых цитируются автором по памяти.

В "Сказании о Борисе и Глебе", древнерусских князьях, убитых их братом Святополком, впоследствии канонизированных православной церковью и являвшихся одними из наиболее почитаемых народом святых, автор приписывает князю Борису молитву, составленную из различных цитат Псалтыри: "Господи! что ся умножиша стужающии мне? Мнози вьстають на мя (Пс 3) ... яко стрелы твоя унызоша во мне (Пс 38,3), яко азъ на раны готовъ и болезнь моя предо мною есть (Пс 38,18), Господи! Услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живын, яко погна врагъ душу мою" (Пс 143, 1-3)(1, 68).

В том же "Сказании" князь Святополк, виновник смерти своих братьев, ведет с собой внутренний монолог, в котором личные мысли автора переплетаются с вольно перефразированными выдержками из 68-го Псалма: "Что сътворю? Аще бо доседе оставлю дело убийства моего, то двоего имамъ чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же, варивъше въздадять ми и горьша сихъ. Аще ли и не сице, то да ижденуть мя и буду чюжь престола отца моего, и жалость земле моя сынесть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и княжение мое приметъ пнь и въ дворехъ моихъ не будетъ живуцаго, зане его же Господь възлюбил, а азъ погнахъ и къ болезни язву приложихъ. Приложю къ безаконию убо безаконие... съ правдыными не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущихъ" (1, 38-39).

Этот Псалом читался во время литургии на страстной пятнице и воспринимался верующими в связи с мучениями невинного Христа. При помощи такой аналогии страдания Бориса и Глеба в "Сказании" соотносились со страданиями Иисуса на кресте, а злодейство Святополка - с предательством Иуды.

Наконец, в одном памятнике светской литературы ("Слово Даниила Заточника") некий Даниил посылает своему князю послание с просьбой о помиловании. И в это послание он искусно вплетает всевозможные библейские изречения: "Княже мой, господине! помяни мя во княжении своем (Лук 23, 42), яко аз рабъ твой и сын рабы твоя (Пс 115)..." и т.д. Свообразие этого произведения состоит в том, что оно в целом составлено в шутливо-ироничной форме.

Но уловить этот тон можно было лишь, зная в совершенстве библейские тексты, сюжеты и литературный слог Священного Писания. А поскольку это произведение предназначалось для широких масс, следовательно, как сам автор, так и его многочисленные предполагаемые читатели этим знанием Библии безусловно владели.

В чем причина такой популярности Псалтыри и других книг Ветхого Завета? Мир Ветхого Завета, несмотря на общую устремленность к единобожию, еще не освобожден полностью от политеистических мотивов, насыщен мифологическими образами, не отвергает обращенности к реальной жизни и пристрастия к телесным человеческим радостям. Образ ветхозаветного Бога даже после многочисленных корректировок не лишен материальной наполненности, эмпирической осязаемости. Ему приемлемы многие человеческие чувства (гнев, скорбь, радость и т.п.). Его появление перед людьми обнаруживается через какие-либо природные явления: гром, землетрясение и т.п. А в целом "стиль общения" Бога с людьми - не бесстрастно-отрешенный (который должен быть присущ трансцендентной первопричине мира), а, если можно так сказать, интимно-наставнический. Бог-Отец пытается донести до людей мысль о непосредственном влиянии их поведения и образа жизни на историческую судьбу народа в целом. Поэтому ветхозаветные пророки угрожающе заявляют: "Если не будете добродетельны, то Бог вас сурово накажет!" И русичи быстро усваивали эти религиозные нормы и применяли их к своей жизни." Аще ли ся покаем от злоб наших, то "Аки чадом своим дать нам вся прощенья, и одождит нам дождь ран и поздн. И наполнятся гумна ваша пшенице"(2,113).

Таким образом, отсутствие в религии Ветхого Завета идей новозаветного провиденциализма еще более сближало ее с основами древнерусского язычества. Древний русич, приняв крещение, но не освободившись в душе от приверженности к традиционной вере, подсознательно уловил близость религиозно-мировоззренческих основ Ветхого Завета со взглядами на мир, присущими язычеству. На начальном этапе восприятия христианства религиозное сознание русичей находилось как раз где-то на уровне ветхозаветных заповедей (не убивай, не прелюбодействуй, не кради и т.п.) и библейского "закона". Евангелистская традиция, "снимая" какие-либо материалистические воплощения ветхозаветного Бога, провозглашала не любить мир, а любить Бога (1 Ин 2,15) и "иметь бога в разуме", т.е. остерегаться создания какого-либо его эмпирически осязаемого образа. Но как иудеям было сложно добровольно отречься от надежды обрести различные блага еще в этом, поюстороннем, мире, так и вчерашнему язычнику,

привыкшему испокон веков вещественные основания земной жизни переносить в мир загробный, потусторонний, трудно было осознать, как это может быть, что "мир проходит", а "исполняющий волю Божию пребывает вовек" (1 Ин 2,17). Библейская теология в целом создавала у русичей ощущение безграничного доверия и поддержки со стороны единого, всемогущего и справедливого Бога в их земных делах. Книги поучительного характера (Притчи Соломона и др.) приобщали ко многим общечеловеческим этическим понятиям: что такое добро и зло, справедливость и беззаконие, мудрость, честность и т.п. Повесть временных лет, например, рассказывая о жизни князя Владимира до его крещения, проводит параллель с образом Соломона - и тот и другой были чрезвычайно неумеренны в любовных наслаждениях. Но Соломон так и умер в грехе прелюбодеяния, а Владимир переродился и обрел новую жизнь во Христе и мог бы сказать вслед за апостолом Павлом: "И уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал 2,20). Мораль таких нравоучений была ясна и доступна русичу - Бог любит людей честных, порядочных, добродетельных. Но всегда ли новообращенные христиане в Киевской Руси правильно оценивали суть того качественного переворота, который произошел в душе князя Владимира (если верить летописным источникам) после принятия им христианства?

Если сформулировать кратко - Ветхий Завет давал наставления, как правильно прожить на земле, чтобы заслужить помощь Бога в получении реальных благ. Неудивительно поэтому, что схваченное русичами под таким углом зрения христианство интуитивно смыкалось с языческими мировоззренческими установками и первоначально усваивалось именно в таком виде.

Новый Завет нацеливал человека на то, как своей земной жизнью заслужить спасение на "небесах" и обрести новую, отличную от преходящей, земной, вечную жизнь. Религия Нового Завета не отвергала Ветхий Завет и даже объединилась с ним, в конце концов, в единое Священное Писание. Но это не означало, что создатели Нового Завета признавали ветхозаветное учение истинным, "животворящим". Апостол Павел в "Послании к Галатам" уточняет, что люди должны были руководствоваться библейским "законом" только "до пришествия веры", что этот "закон" был лишь прелюдией, "детоводителем ко Христу". Русичи зачастую не могли уловить все тонкости в различении ветхозаветной и новозаветной установок и склонялись к тому, что им было понятнее и доступнее.

Еще один аспект в вопросе о восприятии русичами идей Ветхого Завета. В Ветхом Завете описывается, как в процессе своего становления (в ходе развертывания Священной истории) иудеи превращались в "богоизбранный" народ, как Бог открыл им великий

"закон" жизни и тем самым выделил их среди всех остальных народов. Но в силу отчасти своего интравертно-самоуглубленного национального характера, отчасти из-за приземленности в трактовке божественных идей, божественной справедливости, иудеи не смогли осознать, что данный Богом "закон" имеет абсолютную значимость только в пределах истории этого народа, в рамках же Всемирной истории этот "закон" является лишь предзнаменованием, предвосхищением истинного Божественного проявления на земле. "Прежде Закон, потом она, Благодать, прежде тень, потом - истина". Христианство привносит в мир понимание подлинного величия и милости Божьей по отношению ко всем без исключения народам. Христианская "Благодать" по-новому трактует понятия правды, справедливости, райского блаженства, придавая им, земным по своему происхождению, запредельный, трансцендентный смысл.

Иудеям был дан "закон" как предвестие христианской "благодати". Но для растворения христианских идей в мире нужны были другие народы или народ. Об этом пишет первый русский митрополит Иларий в XI в. в своем "Слове о законе и благодати": "Закона озеро пересохло" и "Иудея молчит", а "Благодать" теперь должна пролиться на новых людей: "Не вливают ведь, по слову Господню, вина нового учения благодетельного, в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе".

Русичи, подобно другим "молодым" народам, были свободны от "рабских оков" иудейского "закона" и по самому складу своего экстравертного индоевропейского мировосприятия были открыты для принятия свежих идей; "...новое учение - новые мехи, новые языки, и соблюдены будут - оно и они" - так аргументирует этот процесс митрополит Иларий в своем "Слове о законе и благодати".

Конечно, религиозному сознанию недавно окрестившихся русичей было принципиально чуждо рефлексирование на тему о своей возможной "богоизбранности". Они прекрасно осознавали, что совсем недавно вступили в семью христианских народов, что до них уже многие приняли Христа в сердце свое. Но понимали они, вероятно, также и то, что в действительности далеко не все народы соответствуют величию идей новой религии. Даже греки, от которых русичи непосредственно приняли православие, запятнали себя отступлением от христианских принципов человеколюбия, терпимости, всепрощения и потому, вопреки заповедям Иисуса Христа, порою "чинят насилие", и не только над инаковерцами, но и над своими же собратьями по вере. "Они не делятся приобретенной "благодатью" с другими народами, а с "иудейской завистью" своекорыстно стремятся удерживать ее только для себя"(3,49).

С другой стороны, географически русичи жили, в основном в

окружении нехристианских народов и не могли не ощущать возложенной на них миссии нести свет истинной веры в "невежественную" тьму инаковерия. А отсюда вытекала уверенность, что распространение истинной веры, даже насильственными способами, посредством военных походов, соответствует долгу настоящего христианина и будет одобрена Всевышним.

Именно это чувство уверенности в Божественном покровительстве своего великого предназначения (в расширении истинной веры и борьбе с иноверцами) и роднит новообращенных средневековых русичей с ветхозаветным "богоизбранным" народом. Эти идеи в иудаизме находили свое выражение во многих местах Ветхого Завета: " Говорит Господу: "прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!" Он избавит тебя от сети ловца, от губельной язвы.... щит и ограждение - истина Его. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизится. Только будешь смотреть очами твоими и видеть возмездие нечестивым" (Пс 90, 2-4,7,8) и не могли не найти отклик в душах русичей. Ярko эта мысль прослеживается, например, в ПВЛ, когда речь идет о борьбе русичей с половцами (язычниками). В рассказе под 1111 годом автор пишет, что в разгар сражения "бог вышний обратил взор свой на иноплеменников, исполненный гнева, и стали они падать перед христианами. И так были побеждены иноплеменники... И помог бог русским князьям".

Плененные половцы же так оценивают победу русичей: " Как же мы можем биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе и блестящим и страшным оружием и помогали вам? Это только и могут быть ангелы, от бога посланные помогать христианам".

Подводя итоги рассмотрению отношения жителей Киевской Руси к Библии, надо еще раз подчеркнуть, что русичи XI-XIII вв. не воспринимали эту книгу как единое Священное Писание, они знакомились с отдельными ее частями через переводные, а затем и оригинальные произведения-толкования (типа Палеи, Паремейника и т.п.) и другими путями. Неоднозначным было отношение русичей к Ветхому и Новому Заветам. Интересен тот факт, что отказавшись от выбора иудаизма как государственной религии, жители Киевской Руси X-XIII вв. высоко ценили идеи Ветхого Завета, часто перечитывали и цитировали отдельные места, совершенно не отождествляя его при этом с недавно отвергнутой религиозной системой. Л.Н.Гумилев в связи с этим писал: "В XX в. только специалист-историк понимает это различие, но выходит, что тысячу лет назад в этом не сомневались просто образованные люди"(4, 170).

С наивной доверчивостью неофитов жители Киевской Руси

впитывали ветхозаветную историю и первоначально осознали христианское учение сквозь призму идей Ветхого Завета. Тем более, что эти идеи оказались значительно ближе древнерусскому религиозному сознанию, все еще продолжавшему выражать себя в чувственно-конкретной форме, чем новозаветная религия, категорически отрицавшая как рационалистический, так и эмпирический аспекты восприятия веры. Но если к Богу Ветхого Завета русичи относились интимно-доверительно (почти как к родным языческим богам), то новозаветная Троица осознавалась ими все же как кульминация Священной истории человечества, а Заповеди Христа устремляли разум к постижению высших религиозных истин. Таким образом, Ветхий Завет был более осязаем и доступен, а Новый - более сакрален и идеален.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. - Пг., 1916.
2. "Слово о казнях божиих"// Повесть временных лет. - М.-Л., 1950. - Ч.1.
3. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI-XIV вв. - М., 1960.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. - М., 1992.

ОТЦЫ ЦЕРКВИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Наумова Н.В.

Духовный мир средневековой Руси может быть представлен по произведениям наиболее характерных, ярких и наиболее почитаемых авторов. Среди них, несомненно, такие как Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Василий Великий. Первое место по популярности на Руси во все времена занимает Иоанн Златоуст. Его Слова, т.е. отдельные небольшие произведения на ту или иную тему, составлялись в специальные сборники или хрестоматии Златоструй, Златоуст, Маргарит, причем иногда именем Златоуста подписывались не принадлежащие ему произведения. Популярен он и в сборниках смешанных, составленных из произведений разных авторов, в основном отцов церкви "Измарагд", "Златая цепь". Имя Златоуста стало синонимом всякой "книжной сладости". Чем же так полюбился Златоуст на Руси?

Во всем многообразии аспектов анализа наследия Иоанна Златоуста предметом нашего внимания будет мир жизненно важных ценностей, которые исповедует и предлагает читателям